

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Н.Л. Полякова, докт. социол. наук, проф. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. ОФОРМЛЕНИЕ КОНСТРУКТИВИСТСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

N.L. Polyakova

SOCIOLOGICAL THEORIES OF SOCIAL INEQUALITY IN THE SECOND PART OF 20TH CENTURY. CONSTRUCTIVIST PERSPECTIVE

Статья посвящена анализу процессов трансформации, претерпеваемых системами социального неравенства обществ второй половины XX в., и соответствующим изменениям в методологических подходах к изучению этих явлений.

Ключевые слова: *неравенство, класс, статус, потребление, стиль жизни, жизненные шансы, символические блага, конструктивизм.*

The paper analyzes the transformation processes of the systems of social inequality in the second half of XX century societies. It also views the changes in sociological theories and their research methods brought about by these transformations.

Key words: *inequality, class, status, consumption, life style, life chances, symbolic goods, constructivism.*

В 1970-е гг. под влиянием общей социальной трансформации в социологической теории оформляются новые перспективы и интерпретации природы социального неравенства. Все они обретают смысл и содержание в рамках более общих теоретических конструкций, претендующих на социологический диагноз современности. Среди ведущих построений, посвященных исследованию природы социального неравенства, следует выделить концептуализацию социального неравенства в рамках постиндустриального, информационного и посткапиталистического контекстов, теорию современного неравенства в постмодернистском контексте и в конструктивистской перспективе. Все эти теории и подходы предлагают собственное видение природы социального неравенства, которое не всегда воплощается в конкретное теоретико-эмпирическое по-

* Полякова Наталья Львовна, e-mail: theory@socio.msu.ru

строение групп, статусов, властных позиций, однако всегда старается выявить и продемонстрировать процесс дифференциации индивидов и групп и основания этой дифференциации, а также формы современного неравенства.

Теории социального неравенства конца XX в. можно начинать рассматривать с теории Д. Белла в качестве центральной фигуры постиндустриального контекста.

Белл следующим образом определяет свою программу в области социологии: "...находясь у истоков новых головоломных социальных перемен, мы должны отступить от *теории*, если под таковой понимается модель социальной структуры, конкретизирующая определенное взаимодействие основных переменных величин системы, устанавливающая эмпирические закономерности, позволяющие предсказать будущие формы социальных взаимосвязей, и обеспечивающая принципиальное разъяснение их истории и функционирования. Мы вынуждены возвратиться к созданию новых парадигм в том смысле, в котором использовал данное понятие Т. Кун, то есть концептуальных построений, которые сами по себе не являются ни моделями, ни теориями, а точками зрения; на их основе могут строиться модели и развиваться теории"¹.

Белл противопоставляет свою концептуальную схему марксистской детерминистской методологии, основывающейся на идее базиса, укорененного в экономических отношениях и определяемой им надстройке. Детерминистская схема потерпела, согласно Беллу, неудачу, что выразилось в отказе социологической теории от "любой общей концепции социальной причинности и... от попыток поиска каких-либо глубинных основ общественной жизни"².

Идея постиндустриального общества не опирается и на концепцию социальной системы. Общества не являются столь *органичными* или настолько *интегрированными*, чтобы их можно было рассматривать как *единую систему*. Идея постиндустриализма обозначает перемены в *социальной структуре*, но отказывается от фиксации какой-либо зависимости между изменениями в социальной структуре и другими измерениями общества — политическим и культурным.

Идея постиндустриального общества обозначает новый осевой принцип социальной организации и определяет единую сумму проблем, с которыми придется столкнуться обществам, становящимся постиндустриальными. "Идея осевых принципов и структур является попыткой выявить не причинность (это может быть сделано лишь в теории эмпирических отношений), а централь-

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999. С. 152.

² Там же. С. 12.

ность. В поисках ответа на вопрос, как функционирует общество, эта идея стремится определить в рамках концептуальной схемы его *организующий* остов, вокруг которого группируются прочие институты, или *энергизирующий* принцип, логически обуславливающий все остальные”³.

Опираясь на “методологию осевых институтов, или принципов”, вокруг которых сосредоточиваются другие институты и которые ставят перед обществом важнейшие проблемы, требующие своего решения, Белл указывает, что “в капиталистическом обществе осевым институтом была, например, частная собственность, а в постиндустриальном им является господствующая роль теоретических знаний”⁴.

Постиндустриальные общества по своим проблемам сливаются, по мнению Белла, с посткапиталистическими, определяющей особенностью социальной структуры которых стала научно-техническая революция, или то, что он называет “центральной ролью теоретического знания как главного принципа социальной организации”, соответственно отличительным признаком новой системы социального неравенства становится разделение между научными и техническими классами, с одной стороны, и теми, кто останется вне этой категории, — с другой.

Однако роль определяющего фактора в переходе к новому обществу играет не технология, а характер политического менеджмента, который придает организованную форму этому новому стратегическому ресурсу и использует его для формирования новой политической системы. Белл при этом подчеркивает, что “одна из трудностей социального анализа заключается в переплетении и противоречивом характере этих принципов... Так, в системе стратификации, которую социологи считают основополагающей для любого общества, исторической базой власти служила собственность, а способом ее получения было наследование. Сегодня хотя собственность и остается важным базовым принципом, конкурирующим с ней принципом становится техническое мастерство (компетентность), доступ к которому обеспечивается образованием”⁵. Политические же должности превращаются в основу власти и привилегий, а политическая активность и кооптация становятся средствами доступа к этим постам.

По мнению Белла, концепция постиндустриального общества есть попытка объяснить коренное изменение в социальной структуре, определяемой как совокупность экономики, технологии и

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 155.

⁵ Там же. С. 156.

системы стратификации. При этом он подчеркивает, что “инициатива реорганизации общества сегодня исходит в значительной степени от политической системы... Принципиальный водораздел современного общества не проходит между собственниками средств производства и однородным пролетариатом, а обозначен бюрократическими и властными отношениями между теми, кто имеет полномочия принимать решения, и теми, кто лишен таковых, и это касается любых организационных единиц — политических, экономических и социальных. Задачей политической системы становится управление этими отношениями в соответствии с разного рода давленями, оказываемыми с целью перераспределения национального достояния и обеспечения социальной справедливости”⁶.

Основой неравенства в постиндустриальном обществе являются не собственность и военная сила, как в доиндустриальном, и не собственность, политическая организация и технические знания, как в индустриальном, а прежде всего технические знания и политическая организация, при этом и доступ к власти определяется “образованием, мобилизацией и кооптацией”.

Система социальной стратификации формируется, по мнению Белла, на основе меритократического механизма, базирующегося на образовании. Основой социального неравенства в постиндустриальном обществе является различие в способностях и новых, приобретенных в процессе образования знаниях и компетенциях. Образование становится главным механизмом доступа к различным социальным позициям и основой социальной мобильности. Белл одним из первых среди социологов начинает использовать понятие “доступ” в качестве обозначения механизма, формирующего систему социального неравенства, использование которого социальными агентами указывает на конструктивистские основания статуса.

Стратификационная схема имеет у Белла сложную и одновременно динамичную структуру, позволяющую не просто зафиксировать систему социального неравенства общества через концепцию статусной и ситуативной дифференциации, но и продемонстрировать процесс оформления и поддержания этого динамичного неравенства через концепцию “контролирующей системы”, совпадающей с политической организацией общества.

Статусные группы — это ось стратификации, которая выстраивается исходя из знания, это иерархизированные горизонтальные структуры. Среди статусных групп выделяются: а) класс профессионалов, в который включены четыре сословия — научное, технологическое, административное и культурологическое; б) техники и

⁶ Там же. С. 161–162.

полупрофессионалы; в) служащие и торговые работники; г) ремесленники и полуквалифицированные рабочие (синие воротнички). С точки зрения статуса (престиж, признание и доход) класс профессионалов является высшим классом постиндустриального общества. Ситусные группы — это сферы приложения профессиональной деятельности, образующие вертикальные структуры. В них выделяются: а) экономические предприятия и коммерческие фирмы; б) правительство (юридическая и административная бюрократия); в) университеты и научно-исследовательские институты; г) социальная сфера (больницы, службы быта и т.д.); д) военные.

Социальная структура постиндустриального общества, как уже говорилось, имеет у Белла еще и третью составляющую — контролирующую систему, представляющую собой политическую организацию общества. Это: а) высшие эшелоны власти и б) политические группы — социальные объединения и группы давления, такие, как партии, элиты, мобилизационные группы — функциональные (деловые, профессиональные и др.), этнические, узкоправленные функциональные и группы носителей специфических интересов (молодежь, женщины, гомосексуалисты и т.д.).

Вывод, который следует сделать из рассмотрения теоретического построения Белла, в частности из его теории социального неравенства, состоит не только в том, что система социального неравенства в постиндустриальном обществе формируется на основе владения современным знанием, доступ к которому открывает система высшего образования, и именно она становится стержнем современной меритократии как принципа социальной дифференциации. Не менее важным представляется также указание Белла на то, что система социального неравенства формируется в сфере политического процесса. Это означает, что демократическая меритократическая система образования, лежащая в основе современного постиндустриального неравенства, является механизмом, использование которого делает социальный статус результатом индивидуального конструирования и достижения. Эту возможность следует охарактеризовать как субъектно-операциональный компонент статуса.

В этой связи следует обратить внимание на следующий вывод Белла. Он пишет: “Если важнейший исторический поворот последней четверти века сводится к подчинению экономической функции социальным целям, то политическая система неизбежно превращается в контролирующую структуру общества... Прежде всего это изменение может означать, что традиционные социальные конфликты просто сместились из одной сферы в другую, что борьба традиционных классов в сфере экономики, где ранее люди добивались сравнительных преимуществ в статусе, привилегиях

и влиянии, в настоящее время переместилась в сферу политики... Именно этот процесс происходил в последние годы, и он будет продолжаться в будущем”⁷.

Противопоставленная субстанциально-структуралистской индивидуально-конструктивистская природа социального неравенства еще более очевидным образом фиксируется в теориях информационного общества, в которых знание и образование как индивидуальный ресурс замещаются социальной информацией, которой владеет и которую может как ставку в социальной игре использовать индивид.

Теория социального неравенства Ф. Ферраротти, как представителя теории информационного общества, опирается на идею современности как определяемую организационно-корпоративными и информационными процессами, сделавшими субстанциально-экономическое представление о классе исторически неадекватным. Ферраротти предлагает иное, информационное, прочтение проблемы социального неравенства, кристаллизация и оформление которого возможны только на основе конструктивистского подхода.

Основной формой социальной организации в информационном обществе для Ферраротти выступает корпорация. Технократическая корпорация агрессивно устанавливает свою власть, навязывает своим членам все более жесткое взаимодействие и интеграцию, манипулирует каналами производства и потребления, создает новые формы неравенства и привилегии. Основу функционирования корпорации составляет информация. Накопление знания и информации необходимо для осуществления власти и принятия решения. Владеть информацией, значит обладать властью. Причем речь идет не просто об информации, как подчеркивает Ферраротти, а о социальной информации.

Понятие *социальная информация* является ключевым понятием в теории информационного общества Ферраротти. *Социальную* информацию нельзя путать с *коллективной* информацией — миром коллективных знаков и сообщений средств массовых коммуникаций и других знаков нашего повседневного опыта. “Социальная информация — это такая информация, которая охватывает все политические и социально значимые темы, относящиеся к взаимодействию граждан и институтов. В этом смысле вполне правомерно утверждать, что социальная информация относится к самому понятию власти и входит в него”⁸. Тот, кто контролирует систему социальных коммуникаций, тот имеет власть и оказывает влияние.

⁷ Там же. С. 503.

⁸ *Ferrarotti F.* The myth of inevitable progress. Westport; L., 1985. P. 157.

Поиск информации является выражением активной социальной политики. Отсутствие информации означает неучастие в системах принятия решения и организации, т.е. оборачивается отчуждением.

Прямым следствием такого процесса является возникновение новых форм неравенства и эксплуатации, таких, как манипулирование посредством внушения нереальных надежд и потребностей, создание потребителя. Типология этого нового неравенства и эксплуатации основана не на анализе ежедневного труда, описанного К. Марксом в “Капитале”, а на новых реальных и существенных фактах современной жизни, которыми являются *изоляция, сегрегация, одиночество, отрицание, исключение*. “Быть эксплуатируемым в современном мире, — пишет Ферраротти, — значит быть на краю, быть оторванным от информации”⁹. Современная власть эксплуатирует и угнетает не посредством некоторых прямых действий, которые могут быть объективно и логически оценены на основе предполагаемых действий и реально полученных результатов, она угнетает, игнорируя, отказываясь вмешиваться, предпринимать действия.

Быть отчужденным для индивида или группы означает не только оказаться “на краю”, быть подконтрольным или лишенным влияния. Быть отчужденным предполагает также потерю личностной идентичности и сведение своей личности к набору ролей в системе обмена и организации. Отчуждение включено также в потребительское поведение, диктуемое не личными запросами и потребностями, но рекламой и интересами производителя, а также в поведение на производстве, при котором физические и умственные рабочие затраты не сбалансированы их восстановлением вне работы и т.п. Главный социальный конфликт информационного общества касается всего общества, а не каких-то его сегментов. Он формулируется как борьба за право самоопределения каждого индивида перед лицом глобальных социальных структур, как самозащита, как защита своего “Я” и своей идентичности.

Ферраротти выделяет типы и уровни социальной информации, на которых осуществляется современная эксплуатация и выстраивается современное неравенство путем лишения человека этой информации. 1. Информация, касающаяся служб социального обеспечения и страхования. Роль этой информации чрезвычайно высока, особенно в каждодневной жизни: она касается взаимодействия граждан и институтов, предоставляющих соответствующие услуги. 2. Информация, касающаяся сферы рационального социального действия, создания средств, необходимых в данном обществе для реализации поставленных индивидом целей. 3. Информация, ка-

⁹ Ibid. P. 161.

сающаяся рационального планирования и социального изменения на надиндивидуальном уровне.

Эти три типа социальной информации являются ресурсами, которые может и должен использовать каждый индивид в рамках своей социальной деятельности, в том числе и для избежания попадания в ситуацию отчуждения, социальной эксплуатации. В зависимости от того, насколько успешно человек способен на индивидуальном уровне осуществлять поиск и применение полученной информации, настолько он успешен в деле преодоления депривации и неравенства.

Информационная природа современного неравенства приводит к тому, что “диалектическая игра внутреннего взаимодействия между социальными силами, трудом и политикой блокируется”¹⁰ и все большую значимость приобретает “новый социально ориентированный индивидуализм”.

Этот “новый социально ориентированный индивидуализм” выстраивает новую систему социального неравенства и требует создания новых теоретических моделей для исследования новых форм, в которых это неравенство проявляется.

Методологической основой для исследования этих новых форм неравенства стала модель “позиционной структуры” общества. Две концептуализации, созданные в социологии конца XX в., имеют в этом плане фундаментальное значение. В них осуществляется отказ от субстанциально-структурного подхода в теориях социальной структуры общества. Речь идет о концепциях Р. Дарендорфа и П. Бурдьё.

Р. Дарендорф является одним из ведущих теоретиков дискурса “конца труда” и “конца трудового общества”, оформившегося в конце 1960-х — начале 1970-х гг. В соответствии с теориями конца труда и трудового общества производственная сфера уже не определяет все остальные сферы жизни и общества, систему неравенства и социальных конфликтов, а рабочий класс уже не является ведущим социальным агентом, определяющим тип и интенсивность главного социального конфликта. Более того, рабочий класс не является классом в классическом марксистском понимании этого термина, а классическая марксистская теория классов и социального неравенства не соответствует социальным реалиям обществ середины и конца XX в. Капиталистическое общество, состоящее из двух больших классов буржуазии и пролетариата, которые противостоят друг другу в системе производства, распределения, обмена и потребления, — социологическая фикция, которую невозможно обнаружить в обществах середины и конца XX в.

¹⁰ Ibid. P. 82.

Налицо нестабильность классовых образований и снижение интенсивности классового конфликта. Старая классовая модель, по мнению Дарендорфа, очевидно, утратила свое значение и поэтому должна быть переосмыслена.

Это переосмысление связано у Дарендорфа с процессами, зафиксированными теоретиками и критиками теорий менеджериального общества, теоретиками корпоративного общества. Вместе с этими исследователями Дарендорф считает, что роль и значение собственности в качестве фундаментального социального факта, определяющего все остальные измерения жизни общества, должны быть переосмыслены в пользу чего-то более фундаментального. Этим более фундаментальным фактом и основанием является власть, а собственность есть лишь частный случай власти, который приобрел особое значение в конкретный исторический период, связанный с процессами капиталистической промышленной модернизации конца XVIII–XIX в. Общества конца XX в. Дарендорф именует посткапиталистическими.

Поэтому основой нового определения неравенства в этих обществах должны стать отношения господства и подчинения, т.е. причастность к тем или иным властным позициям, а не наличие или отсутствие у людей собственности. Собственность в этой паре подчинена и производна от власти.

Разработка проблемы социального доминирования становится у Дарендорфа основанием для разработки проблемы социального неравенства и его современных форм. Доминирование всегда выражается в форме конфликта, поэтому исследование природы современного конфликта становится ключом к пониманию современного неравенства. Дарендорф фиксирует очевидный процесс, наблюдаемый в современных обществах: “Вместо соединения и формулирования своих требований в качестве членов однородных социальных групп люди предпочитают конкурировать друг с другом в качестве самостоятельных индивидов”¹¹. Эта конкуренция является конкуренцией за свои возможности, личные жизненные шансы и осуществляется она в поле социальных позиций.

Дарендорф разрабатывает свою “позиционную структуру” общества как методологическую и теоретическую основу для выявления природы и построения концепций власти, доминирования, конфликта и неравенства в современных обществах. Дарендорф пишет: “Позиционная структура общества получает жизнь только благодаря тому, что мы есть что-то определенное и всегда делаем что-то определенное, или, говоря более точно, что всякая социальная позиция не просто помещает нас в поле иных позиций, но

¹¹ *Dahrendorf R. Class and class conflict in industrial society. Stanford, 1959. P. 60.*

и в горизонт более или менее специфических ожиданий нашего поведения. Каждой позиции принадлежит социальная роль, т.е. множество способов поведения, заданных носителю роли (позиции) в конкретном обществе”¹².

Социальные роли — это формы и способы принуждения, существующие в данном обществе, призванные ограничить индивидуальные стремления и желания или выступить их гарантией и поддержкой. Ролевая система общества обязательным образом содержит соответствующие социальные санкции поощрения или наказания. Доступ к таким санкциям является основой господства одних над другими, основой социального неравенства: “Истоки неравенства между людьми, следовательно, заключаются в существовании во всех человеческих обществах норм поведения, снабженных санкциями”¹³. Общество в целом и каждый его сегмент в отдельности выступают в результате как “принудительно скоординированная” ассоциация, основу которой составляют отношения власти и неравенства, воплощаемые в господствующую систему ролей и санкций и переводимые в систему статусов, неравенств и классов.

Позиционное неравенство может порождать классы, классовое неравенство и конфликты, однако не следует забывать еще об одном фундаментальном процессе, определяющем движение и изменение современных обществ. Речь идет о теории и практике движения к равенству в обществах XX в. Это движение к равенству привело к изменению тем и условий классового конфликта, более того, оно, возможно, во многом и определило тот факт, что концепция класса стала неадекватной. Однако никакое движение к равенству не устраняет позиционного неравенства, не устраняет позиционного конфликта.

Это позиционное неравенство Дарендорф считает возможным передать через понятие “жизненные шансы”, заимствованное им у М. Вебера. Следуя веберовской логике индивидуального социального действия, помещенного в условия “рыночной” ситуации, Дарендорф посредством теории жизненных шансов переводит нормативно-ролевую позиционную теорию социального неравенства в теорию индивидуальной социальной мобильности, отвечая таким образом на главный вопрос: как люди в современных обществах конкурируют друг с другом индивидуальным образом, а не в качестве представителей класса и решают проблему социальной мобильности? Ответ на этот вопрос дает ответ на вопрос о природе

¹² *Dahrendorf R.* Homo Sociologicus. Opladen, 1973. S. 99.

¹³ *Дарендорф Р.* Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии. М., 2002. С. 506.

современного социального неравенства, которое имеет индивидуальный, а не классовый характер. Социальное неравенство — это неравенство жизненных шансов.

Жизненные шансы — это, согласно Дарендорфу, сумма всех общих возможностей, предлагаемых индивиду обществом в целом или позицией, которую он занимает в обществе. Жизненные шансы являются функцией двух элементов — опций и лигатур. Опции — это специфические комбинации прав и их обеспечения, это возможности выбора. Лигатуры — это социальные связи человека с различными важными для него ценностями и социальными группами. Возможности и социальные связи являются элементами социальной структуры, т.е. они предстают как элементы социальных ролей, а не как случайные объекты индивидуальных желаний и капризов. Жизненные шансы определяют выбор траектории индивидуального действия, возникающий из взаимосвязи возможностей и социальных связей.

В своих работах Дарендорф провозглашает неравенство в качестве главной ценности и цели общественной жизни. Важнейшие источники неравенства, такие, как различия в образовании, работе, возможности распоряжаться своим временем, невозможно устранить. Такое неравенство просто должно сочетаться с предоставлением всем полных гражданских прав и исключать право одних произвольно ограничивать шансы на вертикальную мобильность других. Именно в этом контексте Дарендорф и трактует центральное понятие своей теории — “жизненные шансы”, призванное зафиксировать индивидуальное положение человека в общей системе социального неравенства.

Концепция позиционной структуры и соответственно позиционной структуры социального неравенства с не меньшим успехом была разработана П. Бурдьё, который, опираясь на методологию “конструктивистского структурализма” или “двойного структурирования”, разработал теорию “социальной таксономии” как теорию природы социального неравенства.

Теория социального неравенства Бурдьё является производной от его общего методологического подхода, который он сам определяет как “конструктивистский структурализм”, или “структуралистский конструктивизм”. Базовой категорией социологической теории становится понятие “двойного структурирования”. Его содержание состоит в одновременном использовании двух подходов: структурализма, постулирующего существование объективных структур, способных организовывать и даже стимулировать те или иные действия или стремления людей, и конструктивизма, утверждающего активность субъектов в конструировании объектов и структур с опорой на жизненный опыт и опыт социализации.

Таким образом, социальные структуры обуславливают практики и представления агентов, но агенты производят практики и тем самым не только воспроизводят, но и преобразуют структуры.

Агент и структура связаны диалектически, и это требует введения соответствующих данной позиции понятий, которые бы ее зафиксировали. Во-первых, Бурдье выводит агента на субъектный уровень, подчеркивая не только активную, но и личностную роль агентов в воспроизводстве и производстве социальной реальности. Бурдье подчеркивает не только роль “инкорпорированных структур” — практических схем, являющихся продуктом интериоризации объективных социальных структур, но и “габитуса” — системы прочных, приобретенных предрасположенностей восприятия, мышления, чувствования (диспозиций), которые используются индивидом как исходные установки в процессе производства конкретных социальных практик. Способность индивида спонтанно ориентироваться в социальной реальности и адекватно реагировать на события и ситуации, которая складывается как результат работы по образованию и воспитанию в процессе социализации, а также продолжает корректироваться на протяжении всей жизни, кристаллизуется в соответствующий социальным условиям жизни и становления индивида тип габитуса.

Во-вторых, Бурдье разрабатывает понятие “социальное пространство” как мыслимый конструкт, как среду, в которой осуществляются социальные отношения. Социальное пространство при этом структурируется на ряд подпространств — “полей” (поле экономики, поле политики и т.д.). Поле — это относительно самостоятельная подсистема социальных отношений в общей системе социальных отношений, или социального пространства.

Целостное социальное пространство структурируется различными полями, а каждое конкретное поле структурируется как “поле сил (в котором присутствуют господствующие и подчиненные, связанные постоянными отношениями неравенства), но в то же время это поле борьбы за изменение или сохранение данного распределения сил. Внутри данного универсума каждый использует в конкурентной борьбе с другими силу (относительную), которой он располагает и которая определяет его положение в поле и, следовательно, стратегии этой борьбы”¹⁴. Концепция поля, таким образом, становится у Бурдье теоретическим основанием его теории социального неравенства.

Важнейшей характеристикой поля является форма взаимодействий между агентами — силовое взаимодействие господствующих и подчиненных, связанных постоянными отношениями неравен-

¹⁴ Бурдье П. О телевидении и журналистике. М., 2002. С. 57.

ства. Агенты определяются через занимаемые ими позиции, которые отличаются друг от друга сочетанием “объективированных в них капиталов” и как следствие — специфической властью и влиянием, получаемой материальной и символической прибылью, а также ценой, которую надо “заплатить”, чтобы занять ту или иную позицию.

Поля, таким образом, — это структурированные пространства неравных позиций. Ансамбль этих позиций определяется логикой борьбы за различные возможности — распределение капиталов, существующие классификации и иерархии, отношения господства и подчинения, доступ к власти.

Рассмотрение природы различных ресурсов в борьбе за занятие определенной позиции в рамках любого социального поля привело Бурдье к выводу, что за всем разнообразием этих ресурсов скрываются четыре категории капиталов: экономический капитал (обладание материальными благами — деньгами и товарами), культурный капитал (образование и соответствующий диплом, а также культурный уровень, полученный в процессе социализации), социальный капитал (ресурсы, связанные с принадлежностью к группе, которыми можно воспользоваться только посредством группы: семьи, друзей, клуба, церкви и т.д.), символический капитал (разновидность социального капитала, который связан с обладанием репутацией, признанием, авторитетом). Именно эти четыре типа капиталов и составляют основание социального неравенства.

Позиция агента в социальном пространстве определяется его позициями в различных полях, т.е. распределением власти в каждом отдельном поле, а также соответствующими видами капитала: экономического, культурного, социального и символического (престиж, репутация, имя). Важно, что именно символический капитал аккумулирует все другие виды капитала и именно в этой форме осуществляется их легитимация.

Бурдье выстраивает “упрощенную модель социального поля”¹⁵ — поля социально-статусных позиций как поля, имеющего свою собственную логику, собственную иерархию. При этом Бурдье указывает, что, несмотря на то что каждое поле, в том числе и социальное, имеет свою иерархию, определяемую иерархией вовлеченных в игру капиталов, тем не менее следует помнить, что экономическое поле и экономический капитал стремятся доминировать и навязать свою структуру другим полям.

Социальное поле Бурдье описывает как многомерное пространство позиций, в котором каждая позиция определена исходя из многомерной системы координат: по общему объему капитала,

¹⁵ См.: Бурдье П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2007. С. 16.

которым они располагают, а также по относительному весу различных видов капитала. Структура капиталов определяет соотношение силы между агентами. Агенты определяются “объективно” по их позициям в этих отношениях, институционализированных, устойчивых, признанных социально и даже юридически гарантированных статусах.

На базе знания пространства позиций можно, согласно Бурдьё, вычленить *классы* в логическом смысле этого слова — как совокупность агентов, занимающих сходную позицию, которые имеют шансы обладать сходными диспозициями и интересами, производить сходные практики. Однако этот класс является “классом на бумаге” и имеет лишь теоретическое существование, являясь продуктом объяснительной классификации, такой же, как, например, классификации, создаваемые в ботанике или зоологии. Они позволяют объяснить и предвидеть практики и свойства классифицируемых, их поведение, ведущее к объединению в группу. «Однако реально это не класс... в смысле группы, причем группы “мобилизационной”, готовой к борьбе... это лишь *возможный* класс»¹⁶. Классы, которые можно вычленить в социальном пространстве, не существуют как реальные группы, считает Бурдьё. Они лишь объясняют вероятность своей организации в практические группы, семьи, ассоциации, профсоюзные или политические движения и являются результатом “работы представления”, которая ведется агентами непрерывно с целью навязать свое видение мира, свое положение в нем, свою идентичность.

“Что существует, — подчеркивает Бурдьё, — так это *пространство отношений*, которое столь же реально, как географическое пространство, перемещения внутри которого оплачиваются работой, усилиями и в особенности временем”¹⁷. Это работа по выработке категорий по экспликации и классификации, которая ведется «в каждый момент обыденного существования, вследствие той борьбы, которая сталкивает агентов, имеющих различные ощущения социального мира и позиции в этом мире, различную социальную идентичность, при помощи всевозможного рода формул: хороших или плохих заявлений, благословений или проклятий, злословий или похвал, поздравлений, славословий, комплиментов или оскорблений, упреков, критики, обвинений, клеветы и т.п. Неслучайно *kategorothai*, от которого происходят категории и категоремы, означает “обвинить публично”»¹⁸. Называть и вызывать к существованию при помощи номинации — это и есть власть (символическая по своему источнику), образовывать группы, фор-

¹⁶ Там же. С. 18.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 24.

мируа здравый смысл, консенсус как основание для любой группы. Восприятие социального мира структурировано схемами восприятия и оценивания, и все, что представлено, в частности, в языке, есть, как подчеркивает Бурдьё, продукт символической борьбы и выражает распределение символических сил.

В известной мере схематизируя позицию Бурдьё, можно констатировать, что его теория современного неравенства выстраивается, во-первых, как позиционное неравенство в каждом из полей, базирующееся на обладаемом индивидом капитале, востребованным данным конкретным полем; и, во-вторых, как неравенство в социальном поле, которое определяется совокупным капиталом индивида и является результатом процесса символической категоризации. Поэтому классы как субстанциальные реальные группы перестают существовать, а современные классы являются “классами на бумаге”.

Именно посредством “работы представления”, посредством классификации и категоризации, посредством распределения свойств социальный мир приходит к статусу *символической системы*, которая организуется по типу «системы феноменов в соответствии с логикой различения отдельных расхождений, а также заключающейся в значимых *различениях*. Социальное пространство и различия, которые проявляются в нем “спонтанно”, стремятся функционировать символически как *пространство стилей жизни* или как множество *Stände* (сословий), групп, характеризующихся различным стилем жизни»¹⁹. “Стили жизни”, таким образом, репрезентируют социальное неравенство, представляющее как результат символической категоризации.

“Стили жизни” жестко увязаны с категорией “различения”. Бурдьё указывает, что социальные агенты, способные воспринимать в качестве значимых спонтанные различия, которые категории перцепции заставляют считать уместными, способны удваивать эти различия в стиле жизни при помощи “стилизации жизни”, которые можно увидеть в манере говорить, в отказе от мезальянса и т.д.

Основное произведение Бурдьё, посвященное функционированию стиля жизни как показателя социального положения индивида, — это работа “Различение”. В ней сделана попытка продемонстрировать, каким образом социально усвоенные вкусы индивидов определяют их положение в рамках социальной иерархии. Опираясь на эту работу Бурдьё, многие исследователи стремились очертить различные вкусы людей, принадлежащих к определенным социальным группам общества, и рассматривали этот кластер показателей, объединенных в “стиль жизни”, в качестве

¹⁹ Там же. С. 25.

показателя, позволяющего аналитически структурировать социальную топологию. Лишенные методологического и теоретического видения, разработанный Бурдьё, и прежде всего лишенные опоры на принцип “двойного структурирования”, эти исследования предстают как малоубедительные при анализе проблем социального неравенства.

Следует помнить, что символическая номинация, реализующая себя в стиле жизни, самым серьезным образом, как подчеркивает Бурдьё, находится под влиянием экономического и политического полей. Широко же распространившиеся в 1980–1990-е гг. исследования стиля жизни, несмотря на свои ссылки на работы Бурдьё, осуществляются скорее в русле постмодернистских подходов в сочетании с анализом культуры. В рамках этих подходов утверждается, что современная постмодернистская потребительская культура в основе своей содержит распространение информации и размножение образов, не связанных с потребительской культурой устойчивых и ушедших в прошлое статусных групп, и не поддается иерархическому символическому упорядочиванию, соотносимому с социальным порядком и господствующей иерархией.

Современная потребительская культура и создаваемые в ней стили жизни, как считают эти исследователи, примером которых может служить М. Фезерстоун, создают иной, “культуралистский” порядок, в рамках которого ликвидируется связь между обществом и культурой, что предстает как победа “означающей”, “символизирующей” культуры и “конец социального” как основного тезиса в рамках современного социального анализа. “Нет правил, есть только акты выбора” и “Каждый может стать кем угодно” — таковы девизы постмодернистских исследовательских проектов²⁰.

Однако эта позиция современных “cultural studies” поддерживается не во всем и не всеми социологами постмодернистского направления. Примерами в этом отношении является теория неравенства, разработанная в перспективе общества потребления Ж. Бодрийаром (1970), и довольно недавняя теория неравенства З. Баумана (2000).

Первые наброски “общества потребления” как теоретической схемы, призванной описать новые явления в социальной и экономической структуре обществ последней трети XX в., оформились в рамках теорий роста и всеобщего благоденствия. Именно в рамках этих теорий был создан тезис, или эйфория, эгалитарный миф, как назвал этот тезис Бодрийяр, о том, что “рост ведет к изобилию, а значит, к равенству”. Согласно этому “мифу”, богатство

²⁰ См., например: *Featherstone M. Lifestyle and consumer culture // Theory, culture and society. L., 1987. Vol. 4. P. 55–70.*

больше не влечет за собой фундаментальных преимуществ, таких как наличие власти, престижа, отличия у одних социальных групп и отсутствие их у других, которые оно некогда порождало в социальной системе отношений. Закончилась власть собственников и акционеров, закончилось потребление напоказ, закончились “великие состояния”. Власть и престиж перешли к группам экспертов и специалистов, интеллектуалам и даже ученым, оформилось всеобщее равенство в потреблении. Бодрийяр считает подобный тезис, наиболее ярко присутствующий у Дж. Гелбрейта, ложным и взамен его предлагает другое видение: сам рост является следствием неравенства. «Именно необходимость самосохранения “неэгалитарного социального порядка”, основанного на привилегиях социальной структуры, производит и воспроизводит рост как свой стратегический элемент»²¹. Направленное выравнивание доходов — именно на этом уровне действует, по мнению Бодрийяра, эгалитарный миф — необходимо для процессов экономического роста, который “воспроизводит общественный порядок с его структурой привилегий и классовой власти”²².

«Социальное различие, власть и т.д., оставаясь *существенными*, перенесены в иное место, они не связаны больше с доходом или простым богатством. Неважно в этих условиях, что все доходы в конечном счете станут равны, система может даже позволить себе роскошь сделать большой шаг в этом направлении, *ибо теперь не в этом заключается* главное содержание “неравенства”. Знание, культура, структуры, берущие на себя ответственность за решение, власть — все эти критерии хотя еще во многом связаны с богатством и уровнем дохода, далеко отодвинули последние и с ними внешние проявления статуса в системе общественных ценностей, в иерархии критериев “силы”»²³, — утверждает Бодрийяр.

Богатый человек, подчеркивает Бодрийяр, больше не “ослепляет”, ситуация стала тоньше. Он “ультрадифференцируется”, “верхотличается” манерой потребления, стилем, поддерживает свою привилегированность, переходя от хвастовства к сверххвастливой “скромности”, от количества потребляемых благ — к изысканности, от денег — к культуре. Неравенство не уменьшилось, оно перенесено на другой уровень. Обычные предметы потребления все меньше отражают социальное положение, а в силу того что налицо рост доходов и смягчение в их различии, старый тип потребления утрачивает свою роль в оформлении статуса и уступает место другим критериям и другому потребительскому поведению.

²¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006. С. 78.

²² Там же. С. 79.

²³ Там же.

Современное общество потребления развивает новые сегрегации и новые неравенства, социальная иерархия приобретает более тонкие критерии, такие, как тип труда и ответственности, участие в принятии решений, уровень воспитания и культуры, способ потребления обычных благ, знание и власть. Вещи сегодня менее важны, чем пространство и социальная маркировка пространства, природа, чистый воздух и тишина в месте проживания.

Потребление — индивидуализированный процесс, и именно в нем находит свое выражение вечная погоня за статусом. Современная специфика этого потребления такова, что тема тела становится главной в теории потребления и косвенно — в теории неравенства. Тело нарциссически избрано, как показывает Бодрийяр, как объект “эротизированной заботы” и одновременно “соматически” превращено в объект тревоги и агрессивности. Поэтому теория тела и его статуса как объекта вождления и потребления становится компонентом современных теорий социального неравенства. Не важно, что ты делаешь, важно, какой ты, как скажет позднее З. Бауман.

Современное общество потребления создает, как считает Бодрийяр, новую форму репрессии и насилия. Этой формой насилия является само потребление, порождающее хроническую и неконтролируемую усталость и астению. Вместо того чтобы уравнивать шансы и сглаживать социальное соперничество, процесс потребления делает экономическую и статусную конкуренцию более сильной и острой. “С потреблением мы оказываемся, — указывает Бодрийяр, — в обществе распространившейся, *тотальной* конкуренции, которая действует на всех уровнях — на экономическом, на уровне знания, желания, тела, знаков и импульсов; все вещи отныне *производятся* как меновые ценности в непрерывном процессе дифференциации и сверхдифференциации”²⁴. Все индивиды и целые социальные категории охвачены императивом конкуренции и восходящей социальной мобильности, посредством глобального процесса “конверсии”, “символического” трансферта нехватки в длинную цепь знаков²⁵.

В основе потребления лежит социальная логика удовлетворения. Низшие и средние классы потребляют вещи, высшие реализуют свою потребительскую активность в сфере культуры и власти. Потребление — это всегда манипуляция предметами как знаками, которые “отличают”, либо присоединяя к своей группе, либо “отделяя” от своей и присоединяя к более статусной группе. Потребление — это механизм статусной дифференциации, в результате которого каждый вписывается в общество.

²⁴ Там же. С. 231.

²⁵ Там же. С. 233.

Еще одной влиятельной современной теорией неравенства, созданной на основе сочетания постмодернизма с критической теорией, является теория З. Баумана. Теория неравенства у З. Баумана не связана ни с теорией групп, ни с теорией классов или страт. Его подход индивидуалистичен в том простом смысле слова, что теория неравенства увязывает последнее с индивидуальной позицией человека в системе социальных отношений.

Основание теории неравенства у Баумана составляет теория социального действия, свободы и власти. Он пишет: “Тот факт, что люди различаются по степени свободы выбора, по характеру действий, которые они могут предпринять, и составляет сущность *социального неравенства* (т.е. социальных по своему происхождению различий между людьми; таких различий, которые были порождены и поддерживаются человеческими взаимодействиями и которые могут быть перераспределены или вообще устранены с изменением самих этих взаимодействий). Некоторые люди более свободны, чем другие: их выбор гораздо шире, поскольку они имеют доступ к большему количеству ресурсов и в их распоряжении имеется гораздо более широкий круг ценностей (обладание этими ценностями для них вполне реально и возможно, тогда как для менее удачливых они остаются, скорее, идеалом, недостижимой и безнадежной мечтой)”²⁶.

Различия в степени свободы следует понимать как различия в степени властвования, т.е. как степень возможности осуществлять действие, выбирать его цель и распоряжаться средствами, с опорой на которые возможно достижение цели. Чем больше у человека власти, тем шире возможности его выбора, круг целей. “Обладание властью позволяет действовать более свободно, а отсутствие власти или ее недостаток... означает, что свобода выбора ограничена решениями, которые принимают другие”²⁷.

Более полно природа современного неравенства раскрывается Бауманом в его теории “легкого капитализма”. Концепция легкого капитализма становится рамочной теоретической схемой, в перспективе которой выстраиваются последовательно теория индивидуализированного общества, теория потребления и теория идентичности, служащие основанием теории неравенства.

Бауман убедительным образом обосновывает значимость теории потребления при построении теории неравенства. Это обоснование укоренено в его теории текущей современности, являющейся синонимичным таким понятиям, как “постмодерн”, или “второй модерн”, у У. Бека, “легкий капитализм”, “постфордизм” и т.п.

²⁶ Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996. С. 120.

²⁷ Там же. С. 121.

Понятие “текучая современность” раскрывается им через про-
тивопоставление “тяжелого” и “легкого” капитализма. “Способ
понимания людьми мира, — пишет Бауман, — всегда имел тенден-
цию быть праксеоморфным: он всегда формировался под влиянием
нау-хау текущего дня, того, посредством чего люди могут действо-
вать, и того, как они обычно действуют”²⁸. В этом плане для эпохи
тяжелого капитализма фордистская модель являлась эпистемоло-
гическим фундаментом, на котором было воздвигнуто все пред-
ставление о мире. Фордистскому заводу не было альтернативы,
как и не было никаких препятствий для распространения фордист-
ской модели на каждый аспект общества. «Фордизм был самосозна-
нием общества в его “тяжелой”, “громоздкой” или “неподвижной”
и “укоренившейся” “твердой фазе”. На этом этапе истории капи-
тал, управление и труд были... обречены существовать в компании
друг друга, связанными на протяжении долгого времени... конгло-
мератами огромных заводов, крупных станков и массивом рабо-
чей силы... Невидимая цепь, связывающая работников с рабочими
местами и мешающая их мобильности, была... сердцем фордизма.
Разрыв этих оков был также решающим, ключевым изменением
жизненных порядков, связанных с упадком и ускоряющейся кон-
чиной фордистской модели»²⁹.

Конец фордистской модели означал конец тяжелого капита-
лизма и появление капитализма легкого. В легком капитализме
капитал не привязан к месту, он путешествует налегке, “с багажом,
состоящим лишь из портфеля, сотового телефона и портативного
компьютера”. Место, к которому был ранее привязан труд, поте-
ряло былую надежность, трудовая карьера более не связана с од-
ним и тем же местом работы, с классом. Капитал и искусство
управления в эпоху легкого капитализма направлены на высво-
бождение людских ресурсов, приведение их в движение: “краткие
встречи заменяют длительные отношения” тяжелого капитализма,
подвижная, текучая современность заменяет структурированное и
“надежное” прошлое.

Капитал путешествует быстро и налегке, но эти его невесомость
и подвижность превратились в главный источник неуверенности
всех остальных. Неуверенность, неопределенность и негарантиро-
ванность стали основой доминирования и основным фактором
разделения общества. Бауман описывает это, используя очень яр-
кий образ: «Пассажиры корабля “тяжелого капитализма” верили
(правда, не всегда дальновидно), что отдельные члены команды,
которым было дано право забираться на капитанский мостик, бу-

²⁸ Бауман З. Текучая современность. М., 2008. С. 64.

²⁹ Там же. С. 65–66.

дут вести корабль к пункту его назначения... Пассажиры самолета “легкого капитализма”, напротив, к своему ужасу обнаруживали, что кабина пилотов пуста и что нет никакой возможности добиться от загадочного черного ящика с надписью “автопилот” информации, куда самолет летит, где собирается приземлиться, кто выбирает аэропорт и существуют ли какие-либо правила, позволяющие пассажирам обеспечить безопасную посадку»³⁰. Новизна момента состоит в том, что постфордистское общество легкого капитализма — это индивидуализированное общество с высочайшим уровнем неопределенности, которое содержит и порождает новые, глубинные и тяжело переживаемые формы социального неравенства.

Определенность и даже прозрачность тяжелого капитализма были обусловлены наличием в обществе представлений об общем благе, о хорошем и справедливом обществе, а также четкой концептуализацией как коллективных, так и индивидуальных интересов. Эти моменты утрачиваются в индивидуализированном и неопределенном обществе легкого капитализма. Сфера политики — это уже не проблема справедливости, она сужается до публичных исповедей, демонстрации интимной жизни, обсуждения частных достоинств или недостатков, публике упорно доказывается тезис о приоритете идентичности над интересами, “утверждается, что именно идентичность, а не интересы действительно имеет значение и важно лишь то, кем вы являетесь, а не что вы делаете”³¹. Эта идентичность, это “какой ты” выражается в современном обществе в стиле жизни и потребления. Потребление становится главным структурирующим принципом социальной реальности, единственным способом, как считает Бауман, найти выход из состояния отсутствия безопасности. Главное достоинство потребляемых, приобретаемых объектов состоит в том, что эти последние “...обещают определенность. Чем бы ни были компульсивные покупки, они также являются дневным ритуалом изгнания ужасных признаков неопределенности и отсутствия безопасности”³². Покупка — это борьба за свою определенность, это акт “свободы” и выбора.

В потребительском обществе всеобщая потребительская зависимость, универсальная зависимость от покупок является обязательным условием и показателем индивидуальной свободы, а главный способ отличиться от других — это “иметь свою идентичность”. Идентичность синтезируется индивидами посредством потребления и создания своего стиля жизни.

Современность рассталась с “аутентичной” индивидуальностью былых времен и приобрела “ассоциативную индивидуаль-

³⁰ Там же. С. 67.

³¹ Там же. С. 118.

³² Там же. С. 90.

ность”, которая характеризуется “утратой связи между внутренней душой и внешней формой социальных отношений”³³. Бауман фиксирует, что картина отсутствия “общественно генерируемой” идентичности поражает. «Истинный или мнимый, в глазах аналитика, свободный “ассоциативный” статус идентичности, возможность “покупать”, принимать и избавляться от своего истинного “я”, “быть в движении” стали в современном потребительском обществе признаками свободы»³⁴.

Однако связь потребления со свободой и идентичностью только усиливает социальное неравенство. Чем выше степень свободы в рекламе и на экранах и чем соблазнительнее искушение прилавков магазинов, от которых бедные не могут отвести глаза, тем глубже ощущение убогости реальности и тем более неодолимым становится желание испытать счастье свободы выбора; чем больший выбор имеют богатые, тем ненавистнее для остальных жизнь без выбора, констатирует Бауман.

Рассмотренные теории социального неравенства, разработанные в последней трети XX в., с очевидностью позволяют сделать некоторые выводы обобщающего характера, относящиеся как к теории, так и к социальной реальности.

Совершенно очевидно, что концептуализация природы социального неравенства обретает социологический смысл только в рамках и в перспективе совершенно определенного видения современного общества. В зависимости от этой перспективы неравенство может быть укоренено в меритократическом механизме, базирующемся на образовании, как в постиндустриализме в различии жизненных шансов, например у Дарендорфа в неравном доступе и владении социальной информацией в теориях информационного общества. Свое видение природы социального неравенства предлагает постмодернистская социология, увязывающая неравенство с потреблением, и структуралистский конструктивизм Бурдьё, у которого неравенство — результат борьбы за символическую категоризацию социального пространства.

Однако при всем различии перспектив на природу социального неравенства все рассмотренные теории отказываются от субстанционалистски-структуралистской интерпретации социального неравенства и осуществляют субъектно-операциональную тематизацию природы статуса и вообще социального неравенства. Тематизацию субъектно-операциональной природы статуса и вообще социального неравенства правомерно считать важнейшей новацией в концептуализации социального неравенства в социо-

³³ Там же. С. 96.

³⁴ Там же.

логии второй половины XX в., а различные варианты такого подхода в методологическом плане можно объединить под рубрикой “конструктивизм”.

Социальный конструктивизм — это характеристика процесса оформления, воспроизводства и изменения социальной реальности посредством социального действия. О социальном конструктивизме соответственно правомерно говорить и как о производстве и даже сознательном конструировании форм социального неравенства, особенно в современных обществах конца XX — начала XXI в., определяемых процессами информатизации, индивидуализации, “текучей” современности, сопряженной с процессом десубстанциализации социального порядка. Это делает правомерным и объясняет использование социологами конструктивистского методологического подхода при анализе социального неравенства в современных обществах. Методологический конструктивизм и его нарастающее влияние в социологической теории конца XX в. во многом является результатом методологической критики функционализма и структурализма, которая и направляет современные социологические исследования в конструктивистское русло.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999 (*Bell D. Grijadushhee postindustrial'noe obshhestvo*. М., 1999).

Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996 (*Bauman Z. Myslit' sociologicheski*. М., 1996).

Бауман З. Текучая современность. М., 2008 (*Bauman Z. Tekuchaja sovremennost'*. М., 2008).

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006 (*Bodrijjar Zh. Obshhestvo potreblenija. Ego mify i struktury*. М., 2006).

Бодрийяр Ж. Соблазн. М., 2000 (*Bodrijjar Zh. Soblazn*. М., 2000).

Бурдые П. Начала. М., 1994 (*Burd'e P. Nachala*. М., 1994).

Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001 (*Burd'e P. Prakticheskij smysl*. СПб., 2001).

Дарендорф Р. Тропы из утопии. М., 2002 (*Darendorf R. Tropy iz utopii*. М., 2002).

Кимелев Ю.А. Методология социальных наук. М., 2011 (*Kimelev Ju.A. Metodologija social'nyh nauk*. М., 2011).

Кимелев Ю.А. “Субъект” и “субъективность” в современной западной социальной философии. М., 2006 (*Kimelev Ju.A. “Sub#ekt” i “sub#ektivnost'” v sovremennoj zapadnoj social'noj filosofii*. М., 2006).

Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004 (*Poljakova N.L. XX vek v sociologicheskikh teorijah obshhestva*. М., 2004).

Bell D. The cultural contradictions of capitalism. N.Y., 1978.

Bell D. The end of ideology. N.Y., 1960.

Bauman Z. Consuming life // Journal of Consumer Culture. 2001. Vol. 1. N 1. P. 9–29.

Bauman Z. Memories of class: essays in pre-history and after-life of class. L., 1982.

Bauman Z. Work, consumerism and the new poor. Buckingham, 2004.

Dahrendorf R. Soziale Klassen und Klassenkonflikt in der industriellen Gesellschaft. Stuttgart, 1957.

Dahrendorf R. Life chances. Approaches to social and political theory. Chicago, 1979.

Featherstone M. Consumer culture and postmodernism. L., 1991.

Featherstone M. Life style and consume culture // Theory, Culture and Society. L., 1987. P. 55–70.

Ferrarotti F. The myth of inevitable progress. L., 1985.

Galbraith J. The affluent society. N.Y., 1958.

Inglehart R. Culture shift in advanced industrial society. Prinston, 1990.